

<https://doi.org/10.19195/0137-1150.172.1>

Data przesłania artykułu: 16.09.2019

Data akceptacji artykułu: 5.10.2019

OLGA DEMIDOVA

Leningradzki Uniwersytet Państwowy im. A. Puszkina, Rosja

Столица и провинция: эмигрантский вариант

Часть 1. Оппозиция „столица–провинция” в истории культуры. Русский Берлин

Отношения столицы и провинции в основе своей суть отношения статусные, иерархические, т. е. отношения власти и подчинения. Эта иерархичность складывалась исторически и в свернутом виде закрепились в самих терминах: во всех европейских языках семантическим ядром слова столица (англ. *capital*, франц. *capitale*, исп. *capital*, нем. *Hauptstadt*) является значение главенства. Столицей назывался главный (головной) и в этом смысле — единственный город страны; нередко им становилось первое поселение, из которого со временем вырастал город, исходно сосредоточивавший в себе все основные столичные функции: государственно-административную, политическую, экономическую, культурную и пр. Русское слово „столица” восходит к слову „стол” в устаревшем значении „престол” и также является именованием главного и поначалу единственного города княжества.

Термин „провинция”, к которому восходят одноименные термины в современных романских, германских, славянских языках (фр. *province*, исп. *provincia*, англ. *province*, нем. *Provinz*, польск. *provincia* и мн. др.) берет свое начало от латинского „*provincia*”¹, обозначавшего подвластные Риму территории вне Апеннинского полуострова и управлявшиеся римскими наместниками, то есть территории иностранные, находившиеся на других землях и в силу этого другие, чуждые и враждебные, требовавшие постоянного над-

¹ *Pro-* — от имени кого-либо, *vincere* — побеждать, управлять; т. е. территории, управляемые от имени Рима.

зора и жесткого контроля. Как известно, Римская империя подразделялась на собственно Рим и его провинции, занимавшие по отношению к первому подчиненное положение. Первой римской провинцией была территория нынешнего французского Прованса, что и определило значение слова *provincial* и фразы *en province* (за пределами Парижа) в современном французском языке. В русский язык термин „провинция” вошел в XVII в. из польского и окончательно закрепился в XVIII в. как повторное заимствование из немецкого.

Так географическая экстерриториальность обусловила принцип и специфику административного устройства, основанного на жесткой иерархии и сохранившегося до Нового и Новейшего времени: провинциями Британской империи назывались северо-американские колонии до обретения ими независимости; провинции были единицей административно-территориального деления Российской империи с 1719 по 1755 гг. и Франции до Великой французской революции; деление на провинции остается актуальным в современной Канаде, состоящей из десяти провинций и трех территорий. Эти же причины обусловили семантику слова и семиотику понятия: провинция традиционно понимается как не-столица, как нечто подчиненное ей и зависящее от нее, как территория с более низким административным, геополитическим, культурным статусом.

Векторы отношений столицы и провинции обоюдно направлены друг к другу и в точке соприкосновения нацелены на взаимоотрицание: столица стремится подчинить себе провинцию, законодательно закрепить и сохранить ее подчиненное положение; провинция, в свою очередь, стремится избавиться от состояния зависимости, преодолеть подчиненность, доказать собственную значимость и независимость от столицы. Таким образом, самоидентификация и самореализация каждой из составляющих этой сложившейся в культуре сущностной оппозиции в негативном режиме основывается на своем „другом” и отталкивается от него: отрицая независимость провинции, столица реализует собственную самодостаточность и ведущую роль в культуре, тогда как провинция пытается обрести свою значимость и высокий культурный статус, отрицая зависимость от столицы и подчиненность ей.

В связи с этим необходимо разделить (развести) два понятия: провинциальность и провинциализм. Оба представляют собой утверждение через отрицание в рамках оппозиции „столица–провинция”, однако механизм и сущность этого процесса различны. Провинциальность есть понятие сугубо территориальное, указывающее на место рождения и/или проживания. Провинциал в указанном понимании — это тот, кто живет в провинции, он — не столичный житель, он „другой”, однако его „друговость” и его самоидентификация держатся не на сопоставлении со столицей, а на утверждении собственной идентичности и обусловленной ею значимости, исходя из них самих. Провинциализм же есть состояние сознания: в этом случае самоиден-

тификация основана на противопоставлении себя столичному жителю в режиме „я не хуже”, т. е., по существу, „я” определяется через „другого”, пусть и в негативном режиме². Очевидно, что можно жить в столице и при этом оставаться дремучим провинциалом, равно как, не уезжая из провинции, сделаться вполне „столичным жителем” в духовном и культурном смысле, поскольку критерий самоопределения и оценки в данном случае не географический, а аксиологический.

При всей исходной иерархичности оппозиции „столица–провинция” она далеко не статична — напротив, отношения между ее составляющими носят динамический характер, не сводясь к модусу господства и подчинения. Представляется возможным говорить об исторически сложившейся типологии отношений, включающей, как минимум, четыре варианта: подчиненности, диалога, копирования и противостояния, обусловившей те изменения в рамках указанной оппозиции, о которых пойдет речь ниже.

В истории многих государств в определенный момент развития в силу причин различного рода — геополитических, климатических, экономических — происходила смена столиц, в результате чего складывалась новая культурная оппозиция: старой и новой столицы³. При этом обе столицы имели высокий статус, хотя и основанный на различных факторах: старая столица выступала как укоренившийся в историческом сознании народа национальный символ и хранительница традиционных историко-культурных ценностей, на которых держались завоеванные в прошлом мощь и слава государства; новая символизировала его настоящее и проецировала будущее.

² Ср. предложенную М. В. Строгановым сопоставительную трактовку этих феноменов: „Провинциализм — это одно из воплощений социальной иерархии, организованное (в отличие от других — сословных, возрастных) не по „вертикали”, но по „горизонтали”, в пространстве. Провинциализм осознается самим носителем, который стремится компенсировать свою социальную неполноценность перед представителями высших социальных ступеней. Провинциальность — это неотрефлексированное самим носителем отставание в моде, манере поведения и т. д., которое может быть легко преодолено при освоении этим человеком современного уровня культуры”, А. Ю. Сорочан, М. В. Строганов, *Провинциальный текст в русской художественной культуре*, „Russian Studies. Ежегодник русской филологии и культуры” 2000, т. 3, № 2, с. 447–453 (статья представляет собой реферативный обзор докладов, прочитанных на 2-й международной научной конференции „Провинциальный текст в русской художественной культуре” в 2000 г. в Тверском государственном университете). См. также сборник материалов конференции: *Русская провинция: миф — текст — реальность*, сост. А. Ф. Белоусов, Т. В. Цивьян, ред. В. Н. Сажин, Москва–Санкт-Петербург 2000.

³ См. напр.: Каунас (с 1919) — Вильнюс (с 1940), Тирасполь (с 1929) — Кишинев (с 1940), Харьков (с 1919) — Киев (с 1934), Константинополь (с 330, как новая столица Римской империи, до захвата османами) — Стамбул (с 1453) — Анкара (с 1923), Москва (с 15 в.) — Санкт-Петербург (с 1713) — Москва (с 1727) — Санкт-Петербург (с 1730/32) — Москва (с 1918), Киото (с 794) — Эдо (Токио) (с 1868), Калькутта (с 1773) — Дели (с 1912), Филадельфия (с 1790) — Вашингтон (с 1800), Краков (с 11 в.) — Варшава (с 16 в.), Монреаль (с 1844) — Оттава (с 1858) и мн. столицы государств Азии и Африки, освободившихся от колониальной зависимости во второй половине XX в.

Иными словами, первая осуществляла функцию культурной памяти, вторая способствовала реализации заложенного в культуре динамического потенциала⁴.

Однако с течением времени в связи со спецификой развития той или иной страны могли сложиться причины и возможности для явления, которое позволительно назвать культурной дивергенцией: столица словно делегировала часть своих функциональных „полномочий” одному из городов, опередивших ее в развитии в той или иной области и тем самым обретших сопоставимый со столичным статус. В этом случае в национальной культуре начинается период сосуществования двух или более столиц, причем первая остается в культуре как „просто столица”, т. е., главная столица, а остальные обретают расширительное „имя”, эксплицирующее область и уточняющее специфику их „столичности”: культурная столица, деловая столица, театральная столица, научная столица и мн. пр. Очевидно, что статус главной столицы достаточно высок и укоренен в традиции, в силу чего она не нуждается в подобном расширенном поименовании⁵.

Прежде чем перейти к специфике отношений столицы и провинции в русской эмиграции первой волны, необходимо отметить уникальность сложившегося в результате исхода из России после октября 1917 г. государства, получившего название зарубежной России, — государства „поверх границ”, не имевшего ни собственной территории, ни собственного правительства, ни системы административного деления, ни собственных финансов, но при этом последовательно сменившего три столицы.

Первой из них стал Берлин — признанная столица зарубежной России в первый период эмиграции (1918–1923). В силу разного рода геополитических, экономических и культурных причин⁶ к началу 1920-х гг. русскоязычное население Германии составляло около миллиона с четвертью человек (ср.: до Первой мировой войны оно, по разным сведениям, колебалось в пределах от восемнадцати до двадцати тысяч); примерно треть его жила

⁴ Ср., напр., противопоставление уходящей корнями в российское прошлое „порфирной вдовы” — Москвы и новой столицы империи — Санкт-Петербурга в *Медном всаднике* Александра Пушкина.

⁵ Другой вариант этого культурного явления — присвоение, „приписывание”, по принципу культурной аналогии имени и статуса известной в международном масштабе столицы одному из городов иностранного государства, в результате также получающему международный статус, напр., восприятие Шанхая как дальневосточного Парижа (У. Герхарди, *Полиглоты*, Екатеринбург–Москва 2017, с. 330–340).

⁶ Карл Шлэгель указывает две из них как основные: вызванную послевоенным экономическим кризисом в Германии гиперинфляцию и развитую систему социального обеспечения, которой могли пользоваться и эмигранты (К. Шлэгель, *Берлин, Восточный вокзал. Русская эмиграция в Германии между двумя войнами (1918–1945)*, Москва 2004, с. 169); однако существенную роль сыграли и давние культурные связи двух стран, и установившиеся между Германией и советской Россией дружественные отношения, и близость Берлина по сравнению с другими западно-европейскими столицами.

в „русском” Берлине. Столь существенное увеличение численности русского населения города вызвало к жизни немало вошедших в копилку эмигрантской культурной памяти курьезов: например, „в одной из центральных газет появилась карикатура — улица германской столицы, пестрящая русскими вывесками ресторанов и магазинов с редкими вкраплениями: «Здесь говорят по-немецки»»⁷. Среди берлинских русских бытовал основанный на жизненных реалиях анекдот о том, как один из них, к своему несказанному удивлению, неожиданно встретил на улице „настоящего немца”. Художник Симон Сегал в своих воспоминаниях назвал это „русское засилье” „мирным завоеванием”, отметив, что „немцы об этом не беспокоились, они к этому уже привыкли”⁸.

В 1921 г. издательство Зиновия Гржебина выпустило путеводитель по русскому Берлину, в котором упоминались шесть банков, три ежедневные газеты, двадцать книжных лавок, конторы семнадцати крупных издательств и множество русских ресторанов, магазинов, организаций, разнообразных объединений и частных лиц, оказывающих различного рода услуги, от портновского дела до юридических консультаций⁹. А по сведениям Марка Раева, в Берлине в эти годы существовало сто восемьдесят восемь русских издательств, выпускавших художественную, научную, популярную, общественно-политическую литературу, книги для детей и учебники¹⁰. В целом количество издававшихся в Берлине книг по разным данным составляло от 2100 до 2200 наименований и превышало издательскую продукцию Москвы и Петербурга, вместе взятых¹¹.

С точки зрения историко-культурной, именно это определило одну из специфических берлинских характеристик: до 1923 г. Берлин был прежде всего центром русскоязычного издательского дела. Другой его специфической чертой являлось то, что многие русские рассматривали Берлин либо как своего рода „перевалочный пункт” на дальнейшем пути в Европу, либо как место, где можно переждать период большевистской власти, которую до середины десятилетия многие считали временной и ждали ее падения, „не распаковывая чемоданов” и твердо намереваясь вернуться в освобожден-

⁷ Ю. А. Азаров, *Диалог поверх барьеров. Литературная жизнь русского зарубежья: центры эмиграции, периодические издания, взаимосвязи (1918–1940)*, Москва 2005, с. 117.

⁸ *Ibidem*, с. 118. Подробнее о Сегале см. О. Л. Лейкинд, К. В. Махров, Д. Я. Северюхин, *Художники Русского Зарубежья 1917–1939. Биографический словарь*, Санкт-Петербург 1999, с. 518–519.

⁹ Полный список см. К. Шлёгель, *Берлин, Восточный вокзал...*, с. 146–152, 173–175, 176–184.

¹⁰ М. Раев, *Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции, 1919–1939*, Москва 1994. Полный список русских издательств и книжных магазинов в Берлине см.: *Ibidem*, с. 187–190. Подробнее о некоторых берлинских издательствах см.: *Литературная энциклопедия Русского Зарубежья 1918–1940*, т. 2: *Периодика и литературные центры*, гл. ред. А. Н. Николоюкин, Москва 2000 (по указателю содержания).

¹¹ К. Шлёгель, *Берлин, Восточный вокзал...*, с. 184.

денную Россию. Наконец, третья особенность — сосуществование и активное взаимодействие в пространстве русского Берлина эмигрантской и советской составляющих, поскольку в первые послевоенные годы между советской Россией и Германией сложились вполне дружественные отношения, в 1922 г. закрепленные Рапальским советско-германским договором о восстановлении дипломатических отношений, что позволяло развивать торговые связи и культурный обмен; после заключения договора в Берлине появились советское посольство и торгпредство¹². Германия на некоторое время стала единственной открытой для советских граждан страной, чем воспользовались как те, кто стремился вырваться из советской России и получил разрешение на выезд „для поправки здоровья” или „с культурными целями”, так и те корреспонденты советских периодических изданий, писатели, инженеры, торговые представители, политические и государственные деятели и пр., которые выезжали туда временно по командировке советского правительства. Впрочем, далеко не все из последних намеревались вернуться — оставшиеся советские специалисты положили начало феномену невозвращенчества.

Интенсивность советско-эмигрантских связей зафиксирована во многих мемуарных, дневниковых и эпистолярных текстах эмиграции; о ней же пишут исследователи русской эмиграции, отмечая плотность и разностороннюю насыщенность советско-эмигрантского диалога как основной признак уникальности русского Берлина:

Существенное отличие „русского Берлина” от, скажем, „русской Праги”, „русского Харбина” и других литературных столиц межвоенной эмиграции, состоит как раз в беспрецедентной интенсивности „диалога” метрополии и эмиграции внутри данного острова русской культуры. „Диалог” этот выразился в различных формах неожиданного симбиоза противостоящих друг другу литературных и общественных сил, в лихорадочной их перегруппировке, калейдоскопической пестроте культурных антреприз, но более всего — в характере деятельности причастных к „берлинскому периоду” литераторов¹³.

¹² Подробнее о жизни и деятельности советского посольства в Берлине см.: *ibidem*, с. 199–241.

¹³ Л. Флейшман, Р. Хьюз, О. Раевская-Хьюз, *Русский Берлин: 1921–1923*, Париж–Москва 2003, с. 6; ср. мнение Глеба Струве: „... в отличие от парижан, пражан, белградцев, о некоторых проживающих в это время в Берлине русских писателях трудно было сказать, советские они или эмигрантские”, Г. П. Струве, *Русская литература в изгнании*, Париж–Москва 1996, с. 34; Нина Берберова рассматривает русский Берлин как пространство переплетения, расплавления друг в друге, переливания одного в другое прошлого и настоящего — к первому относятся „губернаторша и генерал, князюшки революцию, и поэт Минский, младший современник Надсона, приветствующий ее; едва унесшие ноги от революции “старые эмигранты”, то есть социалисты царского времени, вернувшиеся к себе в Европу после того, как часок побыли на родине, и пионер велосипеда и фотогафии Вас. Ив. Немирович-Данченко [...] И Нина Петровская, [...] брюсовская Рената [...] И писательница Лаппо-Данилевская”; ко второму — Виктор Шкловский, Марк Слоним, Борис Пастернак, Владимир Лидин, Модест Гофман, Николай Оцуп, Виктор Ирецкий, либо имевшие статус советских писателей, либо

В результате Берлин на несколько лет сделался пространством вынужденного, но при этом относительно мирного сосуществования двух „Россий в миниатюре”: ушедшей в прошлое императорской и возникшей на ее обломках советской¹⁴.

Разумеется, в эти же годы складывались и другие европейские и не только центры рассеяния, однако они осознавались еще не в рамках оппозиции „столица–провинция”, а в зависимости от своей специфики: Прага — как „русский Оксфорд”, Белград — как центр русской армии в изгнании, столицы Польши, Финляндии и балтийских государств, до 1917 г. входивших в состав Российской империи, — как лимитрофы, где родившимся на этих территориях было возможно оптировать новое гражданство. Кроме того, в 1920–1921 гг. были заключены советско-латвийский, советско-финский и советско-польский мирные договоры.

В силу того, что все эмигранты в эти годы воспринимали свое положение как временное, а центры рассеяния, в которых оказались, — как промежуточные, противостояние собственно эмигрантских столицы и провинции еще не сформировалось, а истинными столицами в сознании эмиграции оставались Петербург и Москва в их исторически сложившемся противостоянии.

Часть 2. Берлин — Париж — Нью-Йорк

Стабилизация немецкой марки осенью 1923 г. в результате проведенной правительством Веймарской республики реформы резко ухудшила финансовое положение эмигрантов и привела к началу их массового исхода из Берлина. Сокращению русского населения города способствовало и то, что к началу 1924 г. на родину были отправлены последние российские военнопленные. Однако самый значительный удар по русскому Берлину нанес прорыв Советской Россией дипломатической блокады: 7 февраля 1924 г. были установлены дипломатические отношения с Италией, 8 августа — с Великобританией, 28 октября — с Францией. Промежуточный период „сидения на чемоданах” завершился, и пришло понимание того, что „большевики — это надолго”, следовательно, необходимо переходить на оседлое положение.

Путей исхода из Берлина было два: назад в Россию или дальше в Европу; конечным пунктом второго большинство эмигрантов осознавало Париж, к 1925 году обретший статус эмигрантской столицы и сохранявший его на протяжении пятнадцати лет, до поражения Франции и оккупации Парижа в 1940 г. В эти годы окончательно сложилась эмигрантская география и выстроилась внутриэмигрантская статусная иерархия: зарубежная Россия делалась раскинувшимся по всему миру государством „поверх и вне границ”

считавшиеся просоветскими, либо через некоторое время вернувшиеся в Советскую Россию (Н. Н. Берберова, *Курсив мой. Автобиография*, Москва 1996, с. 186–187).

¹⁴ Ср. основанное на мнении Ильи Эренбурга мнение Шлёгеля: „Это было место, где произошло смешение «чистых и нечистых»”, К. Шлёгель, *Берлин, Восточный вокзал...*, с. 194.

со столицей в Париже; все остальные центры рассеяния получили статус провинциальных. Переезд в Париж, среди прочего, означал бесповоротный отрыв от России и переход к статусу эмигранта — своего рода экзистенциальный выбор, „скачок в никуда”. Поэтому путь многих русских берлинцев во французскую столицу был не прямым, а окольным: через Италию, Чехию и другие центры диаспоры¹⁵.

В результате берлинской, и не только берлинской, „прививки” к уже существовавшей парижской ветви диаспоры в Париже сложился уникальный русский анклав: административный, политический, общественный, культурный, научный¹⁶. Сюда переехали многие берлинские газеты и издательства, здесь было сосредоточено большинство эмигрантских организаций, союзов, объединений, землячеств, благотворительных фондов; здесь работал Земгор (Земско-городской союз), поддерживавший детские и образовательные учреждения. В Париже обосновался глава Русской зарубежной церкви митрополит Евлогий — и здесь же был штаб созданного ген. Петром Врангелем в 1924 г. Русского общевоинского союза (РОВСа). В Париже выходили две ведущие газеты эмиграции: „Последние новости” и „Возрождение” и главный эмигрантский общественно-политический и литературный журнал „Современные записки”, название которого в режиме двойной аллюзии отсылало к классике отечественной журналистики предыдущего века: „Современнику” и „Отечественным запискам”. О богатстве, разнообразии и плотности русской жизни в Париже в межвоенные десятилетия дает исчерпывающее представление ее четырехтомная хроника, основанная на материалах периодической печати и других документах эмиграции¹⁷. Именно в Париже к концу 1930-х гг. зародилась мысль о создании „Золотой книги эмиграции” как памятнике „исторической единственности” этого явления¹⁸; здесь же планировалось создать музей русского зарубежья.

В Париже разворачивались значимые для всей диаспоры общественно-политические, литературные, научные полемики: о путях развития России,

¹⁵ См., напр., воспоминания Нины Берберовой: „Мы не остались в Берлине, где жить нам было нечем, мы не поехали в Италию, как Зайцевы [...], и мы не поехали в Париж, как Ремизовы, потому что мы боялись Парижа, да, мы оба боялись Парижа, боялись эмиграции, боялись безвозвратности, окончательности нашей судьбы и бесповоротного решения остаться в эмиграции”, Н. Н. Берберова, *Курсив мой...*, с. 243.

¹⁶ К середине 1920-х гг. во Франции проживала одна треть русских эмигрантов, сосредоточившихся после исхода из России в двадцати пяти странах нескольких континентов; большая часть французской ветви диаспоры была сосредоточена в Париже; см. *Русский Париж*, сост., предисл. и коммент. Т. П. Буслаковой, Москва 1998, с. 6.

¹⁷ *Русское Зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни: Франция*, под общей ред. Л. А. Мнухина, т. 1–4, Париж–Москва 1995–1997.

¹⁸ Г. Адамович, *Вклад русской эмиграции в мировую культуру*, б. и., Париж 1961, с. 6; война и оккупация Франции помешали реализации этих замыслов, однако „Золотую книгу” через несколько десятилетий удалось издать, см.: *Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь*, под общ. ред. В. В. Шелохаева, Москва 1997.

о судьбе и миссии эмиграции, об эмигрантской и советской литературе, о литературе в эмиграции, о судьбе молодого эмигрантского поколения и пр.¹⁹ За этими полемиками следила, откликалась на них и в некоторых случаях принимала в них участие и эмигрантская провинция (см., напр., участие пражанина Альфреда Бема в полемике парижан Георгия Адамовича и Владислава Ходасевича, „войну” берлинца Владимира Набокова и парижского литературно-художественного журнала „Числа”²⁰).

Париж сделался эталоном, на который в режимах принятия или отторжения равнялись русские Берлин, Прага, Белград, Варшава, Рига, Таллин, Харбин, Нью-Йорк и др. Материалы парижских газет перепечатывали (не всегда законным путем, нередко без ведома авторов и без гонорара) газеты всех перечисленных и многих других центров рассеяния; провинциальные авторы стремились опубликовать свои работы в парижских изданиях, стать полными или ассоциированными членами парижских союзов и объединений. В свою очередь, и парижане не пренебрегали провинцией: публиковались в провинциальных изданиях и издательствах; посещали провинциальные центры с гастролями, концертами и лекциями; как почетные гости участвовали в различных культурных событиях провинции, хотя нередко делали это исключительно ради почета и заработка, а о провинциалах отзывались весьма снисходительно²¹. Иными словами, отношения эмигрантской столицы и провинции складывались в режиме диалога-противостояния: ощущая себя частями единого целого — зарубежной России, — обе стороны стремились к сотрудничеству, не забывая при этом о сложившейся внутри-эмигрантской иерархии. И даже стремление провинции нарушить установившийся иерархический порядок не отрицало самого факта его существования.

Непродолжительная „странная война”, завершившаяся молниеносным наступлением немецкой армии в мае–июне 1940 г. и оккупацией французской столицы, привела к массовому исходу населения из города. Для русских парижан, как и в случае с исходом из Берлина, существовали два пути: бегство на юг Франции, в т. наз. свободную зону, и эмиграция за океан²².

¹⁹ Подробнее см.: М. А. Омельченко, *В поисках России: общественно-политическая мысль русского зарубежья о революции 1917 г., большевизме и будущих судьбах российской государственности (историко-политический анализ)*, Санкт-Петербург 1996; О. Р. Демидова, *Метаморфозы в изгнании: Литературный быт русского зарубежья*, Санкт-Петербург 2003, с. 135–197; Ю. А. Азаров, *Диалог поверх барьеров...*, с. 28–115.

²⁰ Подробнее с исчерпывающей литературой вопроса см.: О. Р. Демидова, *Метаморфозы в изгнании...*, с. 172–197.

²¹ Подробный философско-эстетический анализ с многочисленными примерами из эмигрантской периодики и мемуаристики см. *Ibidem*, с. 32–36.

²² Подробнее о русском исходе из Парижа см.: О. Р. Демидова, *После Парижа: письма в Англию (из архива Б. И. Элькина)*, „Russian Studies. Ежегодник русской филологии и культуры” 2001, т. 3, № 4, с. 184–200; „Мы можем быть только летописцами...”. *Письма М. Осоргина А. Полякову. 1940–1942*, публ., вступит. ст. и коммент. О. Демидовой, [в:] *Диаспора: Новые материалы*, вып. 1, отв. ред. В. Аллой, Париж–Санкт-Петербург 2001, с. 422–476;

Сложившиеся исторические обстоятельства привели к концу „блистательного русского Парижа” и к очередной смене эмигрантской столицы — на этот раз она „переехала” в Нью-Йорк, где была сделана попытка возродить прежнюю жизнь на новом месте.

Впрочем, корректнее было бы говорить о необходимости вписать и/или встроить русский Париж в русский Нью-Йорк, имевший давнюю историю²³, сложившуюся русскую диаспору, определенные традиции и инфраструктуру: в Нью-Йорке издавалась самая старая русскоязычная газета „Новое русское слово”, были свои издательства, журналы, общественно-политические и литературные объединения, благотворительные организации и фонды и своя русская жизнь с ее устоявшейся внутренней иерархией²⁴. Вполне устоявшимся было и отношение русских парижан к русскому Нью-Йорку как к глубокой эмигрантской провинции. И хотя в Нью-Йорке в 1942 г. Марком Алдановым и Михаилом Цетлиным был создан „Новый журнал” как преемник парижских „Современных записок”, Софией Прегель — „Новоселье”, группой эсеров — „За свободу” (1941), воссозданы некоторые парижские периодические издания, преимущественно общественно-политической и узко-партийной ориентации (напр., эсеровский „Социалистический вестник”), а в 1952 г. при финансовой поддержке „Фонда Форда” основано русскоязычное „Издательство имени Чехова”, для большинства бывших парижан Америка не стала новой родиной, оставшись лишь безопасной и удобной для жизни страной. При этом формально имевший статус новой эмигрантской столицы Нью-Йорк по богатству, разнообразию и глубине интеллектуальной и культурной жизни не шел ни в какое сравнение с оставленным Парижем²⁵.

Кроме непреодолимого европоцентризма парижан и привычного восприятия Нью-Йорка как эмигрантской провинции, существенную роль в этом сыграло и то, что в Нью-Йорке в военные и послевоенные годы сосуществовали две принципиально различные эмиграции: „старая”, т. е. первая, пореволюционная, и „новая”, получившая название второй волны и состоявшая из т. наз. перемещенных лиц — бывших советских граждан, которым оказывали явное предпочтение американские власти (например, издательство имени Чехова было создано преимущественно для поддержки литераторов второй волны). В известном смысле можно говорить о повторении берлинской ситуации на

Н. П. Вакар, *Дневник (1938–1940)*, публ., вступ. ст. и коммент. О. Р. Демидовой, [в:] *Минувшее: Исторический альманах*, Санкт-Петербург, 1998, № 24, с. 621–627 (записи от 9, 10, 11 июня 1940 г.).

²³ Об истории русской эмиграции в Америку см. О. Р. Демидова, *Эмиграция из России в США в XX веке: история и типология*, [в:] О. Р. Демидова, *Изгнание как послание: эстетизм и этос русской эмиграции*, Санкт-Петербург 2015, с. 127–135.

²⁴ Подробнее см.: Ю. А. Азаров, *Диалог поверх барьеров...*, с. 240–265.

²⁵ Подробнее см.: О. Р. Демидова, *Русско-еврейский Париж в русско-еврейском Нью-Йорке: рождение новой столицы эмиграции*, [в:] *Русское еврейство в зарубежье*, т. 18: *Русские евреи в Америке*, кн. 3, ред. Э. Зальцберг, М. Пархомовский, Иерусалим–Торонто–Санкт-Петербург 2009, с. 24–33.

чала 1920-х гг. — с той лишь разницей, что, в отличие от Берлина, советская и эмигрантская часть которого различались прежде всего по идеологическим и политическим основаниям, в Нью-Йорке встретились представители двух радикально отличных друг от друга типов культуры, которых ничто или мало что объединяло. О принципиальном и потому непреодолимом различии двух волн пишет Нина Берберова, сопоставляя прежний парижский и новый нью-йоркский салоны известной меценатки Марии Цетлиной:

Они [гости — О. Д.] теперь не столько сходились, сколько отличались друг от друга весьма существенно. И разделялись по совершенно другим линиям, чем это когда-то было в Париже. Там прежде всего был раздел поколений, затем был раздел политическим. [...] Там можно было почувствовать москвича и петербуржца или бывшего столичного жителя и провинциала, человека, прошедшего гражданскую войну, и человека, прошедшего университет. Здесь эти категории не существовали²⁶.

Самым существенным типологическим свойством новых эмигрантов Берберова считает „пензенскую психологию”, жизнь по принципу „у нас в Пензе лучше” — т. е. тот глубокий провинциализм, который был присущ как „новым” эмигрантам, так и американской ветви диаспоры в целом, и который обеспечил представителям второй волны успех в Новом Свете²⁷.

Резюмируя, можно утверждать, что в условиях эмиграции действительный и/или приписываемый столичный и, соответственно, провинциальный статус определялись тремя основными критериями: антропологическим, аксиологическим, культурно-типологическим, действовавшими в режиме притяжения — отталкивания с опорой на обстоятельства сугубо экзистенциального порядка, на т. наз. „человеческий фактор” и на ориентацию на определенный тип культуры и соответствующую ему культурную традицию.

Библиография

- Adamovič G. V., *Vklad ruskoj émigracii v mirovuú kul'turu*, b.i., Pariž 1961.
 Azarov Ū. A., *Dialog poverh bar'erov. Literaturnaja žizn' russkogo zarubež'á: centry émigracii, periodičeskie izdaniá, vzaimosvázi (1918–1940)*, Sovpadenie-Moskva 2005.
 Berberova N. N., *Kursiv moj. Avtobiografiá*, Soglasie, Moskva 1996.
 Demidova O. R., *Izgnanje kak poslanje: estezis i etos ruskoj émigracii*, Russkaja kul'tura, Sankt-Peterburg 2015.
 Demidova O. R., *Metamorfozy v izgnanii: literaturnyj byt russkogo zarubež'á*, Giperion, Sankt-Peterburg 2001.
 Demidova O. R., *Posle Pariža: pis'ma v Angliú (iz arhiva B. I. Èl'kina)*, „Russian Studies. Ežegodnik ruskoj filologii kul'tury” 2001, t. 3, № 4.
 Demidova O. R., *Russko-evrejskij Pariž v rusko-evrejskom Njú-Jorke: roždenie novoi stolicy*, [v:] *Russkoe evrejstvo v zarubežje*, t. 18, *Russkie evrei v Amerike*, kniga 3, red. È. Zal'cberg, M. Parhomovskij, Giperion, Ierusalim–Toronto–Sankt-Peterburg 2009.

²⁶ Н. Н. Берберова, *Курсив мой...*, с. 575.

²⁷ Подробнее см.: О. Р. Демидова, *Американский опыт Нины Берберовой*, [в:] О. Р. Демидова, *Изгнанье как посланье...*, с. 136–148.

- Flejšman L., Hjúz R., Raevskaja-Hjúz O., *Russkij Berlin 1921–1923*, YMCA-Press, Russkij put', Pariž-Moskva 2003.
- Gerhardi U., *Poligloty*, Kabinetnyj učěnyi, Ekaterinburg-Moskva 2017.
- Lejkind O. L., Mahrov K. V., Severúhin D. Â., *Hudožniki Russkogo Zarubež'á 1917–1939. Biografičeskij slovar'*, „Notabene”, Sankt-Peterburg 1999.
- Literaturnââ enciklopediâ russkogo zarubež'á 1918–1940*, t. 2.: *Periodika i literaturnye centry*, gl. red. A. N. Nikolúkin, ROSSPĚN, Moskva 2000.
- „My možem byt' tol'ko letopiscami...”. *Pis'ma Mihaila Osorgina A. Polâkovu. 1940–1942*, publ., vstup. st. i comment. O. R. Demidovoi, [v:] *Diaspora: Novye materialy*, vyp. 1, otv. red. V. Alloj, Atheneaum, Feniks, Pariž-Sankt-Peterburg 2002.
- Omel'čenko N. A., *V poiskah Rossii: obšestvenno-političeskaâ mysl' russkogo zarubež'á o revolúcii 1917 g., bol'shevizme i buduših sud'bah rossijskoj gosudarstvennosti (istoriko-političeskij analiz)*, Izdatel'stvo PHGI, Sankt-Peterburg 1996.
- Posle Pariža: pis'ma v Angliû (iz arhiva B. I. Êl'kina)*, publ., vstup. st. i comment. O. R. Demidovoi, „Russian Studies. Ežekvartal'nik russkoi filologii i kul'tury”, 2001, t. 3, № 4.
- Raev M., *Rossiâ za rubežom. Istorîâ kul'tury russkoj émigracii, 1919–1939*, Progress-Akademiâ, Moskva 1994.
- Russkaâ provinciâ: mif — tekst — real'nost'*, sost. A. F. Belousov i T. V. Civjân, Tema, Moskva-Sankt-Peterburg 2000.
- Russkij Pariž*, sost., predisl i komment. T. G. Buslakovoj, Izdatel'stvo MGU, Moskva 1998.
- Russkoe zarubežje: Hronika naučnoj, kul'turnoj i obšestvennoj žizni: Franciâ*, t. 1–4, pod obšej red. L. A. Mnuhina, YMCA-Press, ÊKSMO, Pariž-Moskva 1995–1997.
- Russkoe zarubežje. Zolotaâ kniga emigracii. Pervaâ tret' XX veka*, pod obš. red. V. V. Šelohaeva, ROSSPĚN, Moskva 1997.
- Soročan A. Ū., Stroganov M.V., *Provincial'nyi tekst v russkoi hudožestvennoj kul'ture*, „Russian Studies. Ežekvartal'nik russkoj filologii i kul'tury” 2000, t. 3, № 2.
- Struve G. P., *Russkaâ literatura v izgnanii*, YMCA-Press, Russkij put', Pariž-Moskva 1996.
- Šlěgel' K., *Berlin, Vostočnyj vokzal. Russkaâ emigraciâ v Germanii meždu dvumâ voinami*, Novoe literaturnoe obozrenie, Moskva 2004.
- Vakar N. P., *Dnevnik (1938–1940)*, publ., vstup. st. i comment. O. R. Demidovoi, [v:] *Minuvšee: Istoričeskij al'manah*, Atheneaum-Feniks, Sankt-Peterburg 1998, № 24.

The capital and provinces: The émigré version

Summary

The article presents the cultural dichotomy “the capital — the provinces” in a diachronic perspective, the author reconstructing its history and typology to apply the theoretical basis to the analysis of this phenomenon in Russian first-wave émigré culture. Presenting a minute retrospective analysis of the history of the three émigré capitals succeeding each other in the 1920s–1940s (Russian Berlin — Russian Paris — Russian New York), the author argues that the corresponding status (the capital — the provincial) in the diaspora relied on three major criteria: the anthropological, the axiological, and the culturally typological, which, in their turn, were actualized by existential circumstances, the so-called human factor, and the orientation toward a certain type of culture and cultural tradition.

Keywords: capital, the provinces, culture, opposition, dichotomy, Russian emigration

Stolica i prowincja — wariant emigracyjny

Streszczenie

Artykuł zawiera analizę diachroniczną dychotomii kulturowej „stolica–prowincja”, historię jej kształtowania oraz typologię. Elementy te tworzą podstawę teoretyczną omówienia tego zjawiska w historii kultury pierwszej fali emigracji rosyjskiej. Na podstawie szczegółowej analizy historii trzech kolejnych stolic emigracyjnych z lat 1920–1940 (rosyjskiego Berlina — rosyjskiego Paryża — rosyjskiego Nowego Jorku) autorka dochodzi do wniosku, że status stołeczności–prowincjonalności wyznaczany był przez trzy główne kryteria: antropologiczne, aksjologiczne i kulturowo-typologiczne, aktualizowane przez warunki egzystencjalne, tak zwany czynnik ludzki oraz orientację na określony typ kultury i określoną tradycję kulturową.

Słowa kluczowe: stolica, prowincja, kultura, opozycja, dychotomia, emigracja rosyjska